

Владимир ЩЕРБАКОВ

ГОЛУБАЯ КОМНАТА

Фантастический рассказ

Солнце стояло низко, и тень от эстакады ушла к серебристым стволам пробковых деревьев. Нас было трое: приземистый старичок с баулом, женщина и я. Мы стояли уже четверть часа — и ни с места, не ладилось там у них в камере хранения: лента с чемоданом женщины остановилась вдруг, и вместо того, чтобы закинуть его на полку, потом пристроить дедушкин баул и отпустить меня, они принялись колдовать с механизмом. Их было двое; я слышал голоса, доносившиеся из окошка. По эстакаде неслись машины, над головой тархтели мотоциклы и грузовики, а мы стояли и ждали у мря погоды. Галька сияла, и вода плескалась в тридцати шагах от нас.

— Простоим допоздна, а завтра дождь зарядит, — сказал я негромко, — погода здесь капризная, особенно во время отпуска.

— Штормить в ноябре—декабре начнет, — серьезно возразил старичок.

А женщина молчала. И я добавил:

— Иногда это раньше бывает. Искупаться бы, пока они там возьмется. Эй, долго ждать? — крикнул я, подвинувшись к окошку, но, как водится, мне не ответили.

Я увидел круглое, светлое лицо женщины с едва приметными крапинками веснушек, ее вздернутый нос, большие серые глаза, усталые и все же какие-то задорные, с непонятным вызовом, что ли.

— Хотите искупаться? — сказал я.

— А они там долго? — спросила она, не изменяя выражения лица.

— Какое это имеет значение? Камера хранения работает круглосуточно. А солнце, увы, нет. Тем более в октябре. Поднести чемодан до пляжа?..

— Хорошо, — разрешила она, подняв голову, и первой пошла к морю. Я смотрел на длинные-предлинные тени от ее стройных ног и шел за ней.

Мы переправились через балку с тусклой травой и ленивым ручьем, потерявшись в камнях в десяти шагах от моря. Она медленно направилась к скалам, словно подумывая о зряшности моей затеи. Белые ее туфли с длинными носками ворошили галечник.

Так же нерешительно, медленно входила она в воду, и я удивлялся ей. Подбадривая ее, заплыл далеко-далеко, лег на спину и смотрел, как она купалась, как боялась замочить волосы, как быстро выходила из воды и пряталась за скалой.

Мы вернулись. У камеры хранения ни души. Тускло-красное теплое солнце висело над самым морем.

— Зеленый луч когда-нибудь видели? — спросила женщина, повернув голову к солнцу.

— Ни разу, — ответил я. — Воздух стал другим, не получается.

— И я нет, — сказала она. — А что с воздухом случилось?

— Стал он не таким прозрачным, машин прибавилось... — Я поднял ее чемодан и сдал его мужчине в темных очках. Потом свой. Проводил ее на крутую горку, где среди теплых серых камней примостился дом отдыха. Внизу — россыпь огней, над ними белые легкие быстрые облака, до которых можно рукой дотянуться.

— Завтра поможет чемодан сюда перенести? — спросила она.

— Я мог бы это сегодня сделать.

— Не догадалась.

— Вас зовут Женя?

— Откуда вы знаете?

— Угадал. Завтра я буду под скалой.

— Хорошо. Я тоже.

— До встречи.

Дикарь несчастный, подумалось мне, пора бы научиться доставать путевки. Я отправился на поиски жилья. Был теплый вечер, у нового санатория пахло цветами: тонкий, знакомый аромат; под деревянным мостом шумела Хоста; из ущелья тянуло холодом, и здесь, над рекой, вспоминались московские холодные дожди, первые заморозки... Я взбежал на горку, привычно считая ка-

менные ступени. Пятьдесят, семьдесят, девяносто... вот и знакомый дом. Мне повезло: через полчаса я снова шел по каменной лестнице, но уже с чемоданом, свернул направо, открыл дверь ключом, который дала мне хозяйка, зажег свет, положил чемодан, присел над ним на корточки... На синтетической коже его исчезла царапина, которую я заметил раньше. Я поднял чемодан на стул, поднес настольную лампу и развел руками: синтетик был гладким, чистым. С минуту стоял в раздумье. Поднял крышку. Костюм повесил на вешалку, свитер на спинку кровати, достал рубашки.

Стоп. Что-то не так... Электрическая бритва лежала справа, это я помнил, сначала я вообще забыл ее положить, а когда спохватился, то места не оказалось, и я примостил ее кое-как, и мягкая крышка чемодана заметно здесь выдавалась. Теперь бритва была слева, и никакой выпуклости, кажется, так... И с рубашками недоразумение. Все они выглажены, сложены как надо. А ведь этого быть не могло! Я не умею обращаться с сорочками, и одна из них, вот эта, из прачечной, должна быть сложена по-моему. Я прихватил ее в последний момент.

Ни одной вещи не исчезло, но они приобрели какую-то необъяснимую новизну. Следовательно... Нет, ничего из этого необъяснимого факта не следовало, как ни напрягал я воображение. В голове промелькнуло: камера хранения опытная, отлаживают методы обслуживания, совмещая хранение вещей с химчисткой... Если бы! В этом южном городке, кажется, не было и обычной химчистки... Впрочем, пора спать.

* * *

Утром после тихой спокойной ночи была особенно заметна разница в цвете воды: бухта, куда упала Хоста, казалась темной, дальше открывались голубые дали.

— Это не обман зрения! — сказал я Жене. — Там чистая вода и красноватая галька.

— Так пойдем туда.

И мы двинулись по берегу, поднялись на бетонную стену, кое-где изъеденную прибоем. По правую руку от нас туннель убежал под гору, на склоне росло несколько пицундских сосен.

— На Пицунде их много, целая роща.

— Знаю, — сказала Жена.

Мы одолели железнодорожную насыпь, двинулись по шпалам, спустились на бетонный волнорез, я прыгнул вниз и поймал Женио. Здесь было просторно, пусто, над нами поднимался берег. Странно было видеть в октябре эти глубокие зеленые краски: широколиственный лес взбирался по крутому склону, кое-где голубели сосны, на фоне деревьев бежал поезд. Плавным, спокойным было его движение. Лучи солнца не проникали глубоко в лес, и видны были темные прогалы между дубов и кленов, размытые тени, какие-то синие кусты. Поезд пробежал, и эти мгновения запомнились с такой легкостью, как будто я давным-давно уже видел этот берег. И не один раз...

В шашлычной на вымощенном камнями пятачке расставлены столы и стулья, дремлет старый сытый кот, и днем тут не надо стоять в очереди, потому что с дикого пляжа еще никто не при-

шел, кроме нас с Женей и того самого старичка, что стоял с нами в камере хранения.

Женя присела за столик, а мы с ним получали обед, и я успел спросить его, не заметил ли он чего такого со своим баулом.

— Нет как будто, — сухо ответил он и занял столик у большого пробкового дерева.

...Я рассказал Жене о чемодане, рубашке и бритве. А вот и камера хранения. Я протянул квитанцию в окошко. Машинально получил Женин чемодан и тут только рассмотрел, что подавал его не вчерашний мужчина, а женщина.

Удивительная это была женщина: прическа высокая, глаза светятся под очками зелеными искрами, платье тоже с какими-то искрами, впрочем, после целого дня на солнце это могло и показаться... Я отошел. Поднялся на горку. В бассейне плавали красные и оранжевые рыбы. Ни души: в доме отдыха тихий час... Прислонившись спиной к серой глыбе, нагретой солнцем, я ждал. Женя вышла на балкон.

— Спускайся вниз, — сказал я.

— Не хочется, — ответила она; постояла, постояла — ушла с балкона. Я увидел ее на крыльце. Она сказала:

— Пойдем, расскажу о чемодане.

Мы пересекли тень от эстакады, выбрались на дикую тропу и повернули в сторону Адлера. Там — песчаный пляж, редкость для Кавказа, и песок крупный, серый, горячий, а море почти такое же голубое, как за бетонной стеной, где мы купались утром. Справа — красный тревожный свет, солнце почти коснулось воды.

— Знаешь, я сразу поняла: что-то не то, — начала рассказ Женя. — Слишком уж все выглажено, а туфли как новые. Может быть, я и не заметила бы ничего, да ты подсказал. Вышитый цветок на кофте и тот как будто только что распустился, да вот посмотри... а ведь он давно вылинял.

— Э, дело не в цветке.

— А в чем?

— А вот прочти...

— Тут по-итальянски, я не умею.

— И никто теперь не сумеет, название фирмы нужно с конца читать. Это слово тебе знакомо?

— Вроде — синтетика... если с конца.

— В том то и дело. А так все в порядке. Нужно бы им спасибо сказать.

— Кому им?

— Ну, тем, кто в камере...

— А-а... Что это они удумали?

— Сегодня на пляже двое о том же говорили. О камере хранения. Два парня у волнореза, я к ним прикурить подходил, один в очках, на аспиранта похож, так вот он сказал: «Это не камера хранения, а камера обмена стар...х вещей на новые». А второй парень ему ответил: «Ну и даешь ты, Вадим, кому это надо: старье брать, а новое отдавать?» А тот, первый, Вадим, ему отвечает: «Мало ли кому. Ты вот сидишь здесь и думаешь небось, что ты венец творения, думаешь ведь?.. А того не понимаешь, что если бы так оно и было, то и в камере хранения такой ничего удивительного не было. Но то-то и оно, что не венец ты творения, Родя, а предмет изучения. Статью космонавта Поповича о

разумной жизни на спутниках Сатурна и Юпитера читал? Допустим, она есть. Те, с других планет, поступают так же, как мы. Мы ищем каменные ножи, амфоры, наконечники копий, берестяные грамоты, глиняные таблички, все, что создано руками человека. Они тоже...» И тут я перебил их. Прикурил. Отошел, усмехнулся про себя, а через некоторое время задумался всерьез об инопланетном разуме, представляешь?

* * *

...Как-то я заглянул в окошко; рядом никого не было, и я вдруг увидел, что камера хранения намного просторнее, чем я думал. А вместо пола, казалось, была морская гладь, и, только присмотревшись, я понял: это голубой ковер... Передо мной возникла та самая женщина.

— Скажите, — спросил я самым естественным тоном, — вы, конечно, слышали о Венере Милосской, олицетворяющей женскую красоту?

— Да, — ответила она и как будто задумалась, загляделась на свое кольцо с восхитительным зеленым гранатом. Такой гранат, я знал, как будто бы помогал угадывать будущее.

Но речь шла о далеком прошлом. И это далекое прошлое было моей специальностью совсем еще молодым человеком я защитил диссертацию с культуре Средиземноморья такого давнего периода, что на защите не нашлось ни одного серьезного оппонента.

В ее гранате вспыхнула и пропала изумрудная искра, несомненно, игра света... Я сказал:

— Весной тысяча восемьсот двадцатого года крестьянин с острова Милос по имени Юргос воткнул в землю лопату и натолкнулся на изумительную скульптуру. Потому и названа она Милосской. Но Венера была без рук.

— Нет, — возразила она односложно, и я постарался скрыть удивление.

— Да, говорят, что французский мореплаватель Жюль Себастьян Сезар Дюмон-Дюрвиль описал ее в своем дневнике совсем другой. В левой руке она держала яблоко, а правой придерживала ниспадавшее одеяние.

В гранате ее — белый огонь. Вспыхнул и погас... Я внимательно рассматривал ее кольцо. Давно уже гранат перестал быть редкостью, из него делают электронные приборы, совсем несложные. Пластинки граната с какими-то примесями могут служить элементами памяти. Это, если угодно, подобие объяснения его свойств, связанных с будущим, с предсказаниями всякого рода. Если, конечно, молчаливо предполагать, что будущее уже содержится в прошлом... но парадокс этот более чем сомнителен. Ее гранат тоже был синтетическим, и я подумал, что во времена Куприна никто об этом и не догадался бы.

— Да. Ее видел Дюмон-Дюрвиль, — сказала она с расстановкой, и я опять скрыл изумление, вызванное и словами ее, и тоном, не терпящим возражения. И еще она добавила: — А почему вы спрашиваете меня об этом?

— Да потому, — сказал я и сделал паузу... — потому только, что вы копия Венеры Милосской, какой ее видел Дюмон-Дюрвиль.

— Неправда, — сказала она.

Я молчал и смотрел на нее. И в эту минуту она не могла опустить глаза и глянуть на гранат. А там мерцал зеленый змеинный глаз.

— Правда, — сказал я. — А теперь скажите, пожалуйста, что это за работа вы нашли себе?

— Это временно, — сказала она, и бесцветный огонь вострепел в камне.

Тут подошли сразу несколько человек, накидали сакvojей и сумок. Незнакомка отдалилась от окошка, и все эти нелегкие вещи каким-то непостижимым образом оказались на движущейся ленте. Она оставалась в тени. Я уж было хотел снова пойти и продолжить разговор, но меня оттерли три отпускницы, за ними приблизились мужчины, и я понял, что пришел автобус из Адлера и нужно подождать часок-другой. Но когда наконец пятачок близ окошка опустел, ее уже не было. А был не располагающий к беседе тип в очках, которого я заметил в первый день.

Пора было к Жене. Все эти дни стояла изумительная погода, дышалось легко, я перепрыгивал через три ступеньки, не уставая. В воздухе — легкий пряный запах отмирающих листьев и последних цветов. В бассейне шевелили хвостами беззаботные рыбы; мальчишки кидали им хлебные крохи, иногда, впрочем, навивляя их на крючок, привязанный к мизинцу.

Да, я думал о знакомке... Удивительно это! Откуда она знает о Дюмон-Дюрвиле? А кольцо с гранатом!..

Но поздним вечером, когда мы бродили с Женей по изогнутым, как серпантин, аллеям и под ноги попадались какие-то большие коричневые стручки, настроение переменялось. Что, собственно, тут загадочного? Гранат обыкновенный, даже синтетический, а светился он по странной ее прихоти, потому что положение ее руки во время разговора менялось. Что загадочного в ее платье, туфлях, односложных ответах? Да, красива, ну и что? Туфли... ну, положим, в Сухуми или Тбилиси можно достать и получше.

Женя заметила, что я рассеян, и угадала, кажется, по какой именно причине я молчу. Но сказать ей о своих подозрениях я не мог. (Не мог! Она бы рассмеялась мне в лицо — при самом благоприятном исходе.) Как мне не хватало того парня, не то аспиранта, не то студента, который успевает читать статьи о космосе!

Небо было глубоким, сапфировым, с каким-то странным светом, с отблесками на летучем облаке, с россыпью бирюзовых звезд. Мы остановились у бассейна, и небесные огни отражались в темной воде, мигали, заворачивали. Но это была реальность!

Взгляд не может не путешествовать во времени. Ведь вместе с ночным атмосферным свечением, опаздывавшим всего на тысячные доли секунды, приходят и вести из давнего прошлого. Первая станция на пути в прошлое — Альфа Центавра. Четыре года разделяет нас. И этот отрезок времени непреодолим — нельзя пробыть пока сказочный туннель к звездному раскаленному шару, чтобы сблизить два разных времени. Но что такое четыре года по сравнению с сотнями, тысячами веков!

Звезды из столетней окрестности — это наши современницы, так их, пожалуй, можно назвать; они почти наверняка таковы, какими кажутся, видятся. Но стоит удалиться за эти пределы.

обозначаемые не человеческим воображением, а стеклами или антеннами астрономических приборов, — и зарождается сомнение: не погасла ли дальняя звезда? Не исчезла ли туманность — целый мир, отнесенный от нас на многие и многие поколения пути?

Я рассказывал Жене о звездах, а сам думал о другом: почему же я не спросил незнакомку обо всем напрямик.

Нужно исправить ошибку. А захочет ли она беседовать о том, что меня интересует?.. Вряд ли. Хорошо, что сегодня она не догадалась, куда я клонил. Впрочем, я опять фантазировал: нет, не стояли за ней зеленые человечки с другой планеты, ведь ясно же!

* * *

Женя чуть выше меня, и, когда мы идем с дикого пляжа, рука ее покоится на моем плече.

Есть такой возраст, когда одинаково небрежно, покровительственно обращаешься и с теми, кто моложе, и с теми, кто старше. Потому-то и смешно стало, когда на глаза нам попался старичок из очереди в камеру хранения и довольно-таки косо посмотрел на нас.

Кто бывал в Хосте, знает, что дорога с северного дикого пляжа проходит как раз мимо камеры хранения под эстакадой. Вот так мы с Женей и прошествовали в обнимку мимо знакомого окошка. Оно казалось сереньким, невзрачным, не заслуживающим внимания. Я хотел заглянуть туда, но Женя меня не пустила.

Несколько раз проходил я под эстакадой, но каждый раз повторялось то же самое: Женя удерживала меня, она была против этой истории с незнакомкой и странной камерой хранения.

Однажды поздним вечером я увидел незнакомку в дальнем углу комнаты с голубым ковром, но тут же у окошка оказался человек с зонтом и чемоданом. За ним не замедлили появиться еще несколько отдыхающих. Подошел поезд... Я дождался, пока людской поток схлынул, но увидел в камере только мужчину в очках с небрежно зажатой в зубах трубкой.

Я направился к причалу, где плескались мутно-зеленые волны, а у волнореза кто-то стоял с удочкой. Подошел еще один рыболов, и я узнал обоих: это были аспирант Вадим и его товарищ с дикого пляжа.

— Не помешал?

— Нет как будто, — ответил Вадим и добавил, обращаясь к товарищу: — Через десять минут, можешь сверить часы.

— Не клюет? — спросил я.

— Не особенно, — ответил Вадим.

Мне показалось, что на дальнем конце причала кто-то есть... женщина как будто. Вадим толкнул товарища; оба смотрели туда, где у мыса Видного шел катер на подводных крыльях. За катером, за мысом сверкнуло, и небо перечеркнул метеор.

— Ну как? — спросил Вадим.

— Точно, — ответил товарищ.

— О чем вы, ребята? — поинтересовался я.

— Да о том же, о загадках природы... метеор видели?

— Видел.

- Завтра приходите в то же самое время, увидите снова.
- Ну да?
- Три вечера подряд одно и то же.
- Интересно.
- А что именно вам интересно?
- А то, что вы о камере хранения на пляже говорили.
- Они переглянулись. Вадим сказал:
- Это гипотеза. Знаете, сколько лет Копернику понадобилось, чтобы доказать очевидную, казалось бы, мысль о беге нашей планеты вокруг светила?.. Ну вот, а вы готовы поверить нам сразу. Так не бывает.
- Не бывает... — поддержал Вадима товарищ.
- Почему же не бывает?.. Я вчера говорил с той женщиной.
- Ну и что узнали?
- Да ничего не узнал. Отвечает «да» и «нет».
- И не узнаете ничего, даже если мы с Родей правы. Так, что ли, Родя?
- Родя утвердительно кивнул. И вдруг спросил:
- А вы что, в самом деле поверили?
- Да как сказать...
- Вот то-то и оно, что проверить это невозможно. Тут сам Коперник бы спасовал. Допустите на минуту что-нибудь такое... понимаете?.. И увидите, что вы абсолютно беспомощны и вокруг вакуум, пустота, полное отсутствие фактов.
- Странные, однако, у вас ассоциации... Между прочим, Вадим и Родя, пока мы с вами разговаривали, исчез человек. Вон там, на дальнем конце причала...
- Показалось!
- Пойду посмотрю...
- Прошел весь причал, но никого не обнаружил. Ни с чем вернулся к ребятам
- Неужели шутке поверили? — опять спросил Родя.
- Ладно, чего уж... почему на пляже не появляетесь?
- Да мы на другой перебрались. Чтобы вам не мешать.

* * *

Наступил день, когда я рассердился на себя, на Женю, на камеру хранения и авторов вздорных гипотез.

Пора наконец избавиться от навязчивой мысли о сатурнианцах, которые якобы появляются на необыкновенных летательных аппаратах, свободно парят над Гималаями, в глубине морской передвигаются с помощью неких светящихся колес, выныривая на поверхность, чтобы запросто поболтать с наивными простачками третьей планеты и снова заняться своими делами.

...Рано утром я пошел на базар, купил букет чайных роз, уже немного увядших, три килограмма винограду, корзинку, в которую сложил виноград, прикрыл его журналом, сверху положил розы, приладил плетеную крышку и сдал в камеру хранения.

Принимала женщина. Была она в золотисто-желтом платье с белым газовым поясом, в дымчатых очках, на плечах — легкий шумящий плащ, на запястье — браслеты, на смуглых ногах серебряные туфли с высокими каблуками, расписанными золотыми волнистыми линиями. Я застыл как вкопанный. Передо мной

была комната с голубым ковром и маленьким столиком. На столике — хрустальный стакан, в стакане — алый цветок. Куда-это подевались саквояжи и сумки?..

Женщина стояла в стороне, и я потому видел это пространство с белыми и желтыми бликами. Но вот она сделала два-три шага, и комната с голубым ковром утонула в полутьме. Я протянул ей корзинку. И тут заметил транспортер, опустил на ленту корзинку и взглянул на женщину. Под башней темно-золотых локонов — неподвижное, строгое лицо.

— Все? — спросила она.

— Все, — ответил я, отошел и понял: она, она была на причале вечером, некому больше.

Осторожней, подумал я невольно, не подавай виду, что ты ее хочешь провести, иначе... Что будет, я не знал. Но интуиция подсказывала, что тайна голубой комнаты мне не откроется.

Промелькнула неделя.

На пляже, на горке с серыми теплыми камнями, где не раз поджидал я Женю, представлялось вдруг, что комната с голубым ковром исчезла и женщина тоже. Не пора ли, спрашивал я себя... И вот новый день: у крутого берега я ловил знакомую минуту — показывалась бесшумная электричка, волна полого ложилась на красноватую гальку, голубоватый лес казался древним, сказочно живописным и притягивал к себе. Я подплывал к берегу, бросался на гальку, но все менялось вокруг: и лес много терял в моих глазах, становился обычной рощей на взгорье, и на голой полосе берега, круто избежавшего к его подножью, открывались рытвины, горы щебня.

«Что необычного нашел я в камере хранения?..» — думал я и бродил по берегу и искал парней, размышлявших о ней много дней назад. Их не было.

Я пошел к Жене, и мы стали собираться. У камеры хранения я остановил ее. Теперь спустя восемь дней многое должно проясниться.

— Подожди.

Подошел к знакомому окошку. Протянул квитанцию. Женщина была рядом со мной, только на ней было другое платье — белое с голубым поясом. За ней угадывался неувядающий алый цветок на столике. Темный контур цветка плавал над хрустальным стаканом. Странная мысль промелькнула вдруг. «Зачем им... этим... старые вещи, если они могут сотворить в мгновение ока все, что надо — и более того?»

Я взял корзинку, откинул плетеную крышку. Розы были свежее, чем восемь дней назад. Я протянул Жене букет, ведь сегодня у нее день рождения... Но голова была занята другим: что происходит? Женщина отошла от окошка, но я успел заметить, как белым огнем полыхнул ее гранат, цветок как будто плавал над хрустальным стаканом, и столб света выхватил из тьмы голубой ковер, и мне послышался там шум моря. «Вот оно что! — подумал вдруг я. — Им нужны подлинные вещи. Пусть старые, но подлинные. Там, у них на другой планете, наверно, музей, лаборатория, что еще?.. Взамен они возвращают дубликаты, копии. Им это по силам. Просто!..»

И тут случилось то, что иногда случается со мной: пропало очарование голубой комнаты, женщины, алого цветка в хрустальном

стакане, ведь я, наверное, добрался до сути. Как там, на берегу, где вечно будет пробегать на фоне леса поезд и, может быть, подарит кому-нибудь волшебную минуту, утраченную для меня. Не то чтобы я очень уж хотел огласить результаты моего эксперимента с розами, которые выглядели совсем живыми, как будто и не сдавал я их восемь дней назад вот этой ворожее. Нет. Но мне надоело играть в прятки.

Я говорил слишком громко, не без иронии, понимая, что только так и не иначе могу я выразить свое отношение к событиям и свою роль в них. Потом, когда память снова возвращала меня в этот солнечный день, я корил себя за поспешность. Но, допустим, я поступил бы иначе. Смог ли бы я чего-то достичь? Вряд ли...

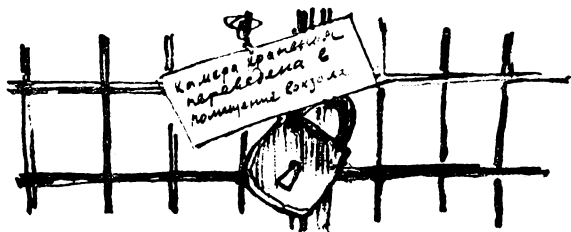
Женя настойчиво тянула меня за руку — подальше от этого не нравившегося ей места. Она ничего не замечала и воспринимала мою горячность спокойно, но во время разговора, как я убедился позднее, смысл моих слов не вполне доходил до нее, она лишь живо улавливала интонацию.

Подул ветер.

Всего на мгновение я отвел взгляд от знакомого окошка. Но этого мгновения оказалось достаточно. Взяв под руку ничего не подозревавшую спутницу, я шагнул к нему, уже понимая, что опоздал... Да, опоздал.

Я не верю своим глазам... Передо мной белеет стена камеры, по ней разбегаются причудливые желто-зеленые узоры — отблески волн. На решетчатых створках красуется замок. Я осторожно провожу пальцем по темному холодному металлу. Замок покрыт пылью, и кажется, что провисел он тут очень долго. Быть может, это порыв ветра поднял пыль и надул сора в заржавленную скважину.

Медной тусклой проволокой к знакомому окошку прикручена табличка: «Камера хранения переведена в помещение вокзала». Женя недоуменно смотрит на меня, и выражение удивления в ее больших светлых глазах сменяется другим: она как будто подозревает сговор. В тридцати шагах от нас по-прежнему лениво и бездумно плещется море.

Борис ПАРМУЗИН — Последние пятна ржавчины
Владимир ЩЕРБАКОВ — Голубая комната
Борис РУДЕНКО — Цена искупления
Димитр ПЕЕВ — Аберацию иктус

Цена 40 коп.

